Татьяна Золотаренко

СОБЛАЗНИТЬ ВЕРНУЮ

16+

Татьяна Золотаренко

Соблазнить верную

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Золотаренко Т.

Соблазнить верную / Т. Золотаренко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Я драматург, недавно заявивший о себе на театральных подмостках. Страстно люблю жизнь, страстно любил женщин. Мне казалось, что каждая из них — актриса, украшающая собой сцену моей жизни. Наверное, так и было… до появления одной примадонны, обладающей подлинной красотой и высокой моралью. Думаете, я влюбился? Нет. Поставил цель во что бы то ни стало сделать её рабой своих желаний. К чему это привело? Я сам стал рабом! Думаете, любви? Опять мимо — страсти. И безответность моих чувств заставила решиться на абсурдные вещи, едва не разрушившие мою жизнь.Роман в жанре магического реализма.

© Золотаренко Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог 5
Глава 1. «Главное, дать девочке понять, что она нуждается в этом больше, чем думает» 7
Глава 2. «Там, в театре, вы мне – босс. А здесь, простите, за рулем я» 12
Глава 3. «Вы фанатеете от меня?» 17
Глава 4. "Надо бы немножко подпоить твою несговорчивую даму" 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Пролог

Туманный свет от прожектора освещал пустующую сцену. В зале стояла звенящая тишина. Аню гримировали в три пары рук и, закрыв глаза, она только отдалась во власть играющих на лице кистей. Через час премьера, и ее сердце вздрагивало от этой мысли.

– Твое место в первом ряду, – вдруг откуда-то прозвучал голос Вадима Яковлевича.

– Что значит… в ряду? – отчаянно воскликнула она, не отрываясь от процесса гримирования. – Я актриса!

– Ты – зритель! – Резко подчеркнул тот.

Внутри что-то оборвалось. Сначала захотелось убежать… Но сиюминутно было принято решение остаться и противостоять этой несправедливости…

– За что? – подавив в себе слезы, Аня с мольбой посмотрела куда-то вверх, стараясь сдержать рыдания, дабы сохранить грим на лице в должном виде.

– Смотри и поймешь!

Она, и правда, оказалась в партере. Осмелившись поднять взгляд на сцену, Камушкина с ужасом обнаружила, что в образе ее героини на подмостках показалась другая женщина.

«Что за… недоразумение? Это как называть? Режиссер нашел дублёршу, похожую на меня, словно две капли воды?» И она… да, нужно признать, что эта актриса – подлинная Милена Маркова! И роль идет незнакомке куда лучше, чем Камушкиной. И белое платье с открытым декольте, играющее «лепестками» и летящее при ходьбе, – оно к лицу этой актрисе куда больше. И взгляд… этот соблазняющий манящий взгляд Милены… Вадим добивался от Ани именно такого образа, который ей оказалось немыслимо тяжело исполнить.

Но исключительно не хотелось признавать, что роль чужая. И этот факт тяжело не заметить окружающим… О Боже! Зрители увидят и сразу отметят, что Анна Камушкина – бездарна! Что она не сумела справиться с ролью легкомысленной распутницы Милены, а дублёрша, по сравнению с ней, оказалась на высоте… Какой позор! Что будет с карьерой актрисы?

«Так, успокойся, Аня! Возьми себя в руки!» – мысленно вторила она.

Вернемся к пьесе: что это за акт? Сквозь застилающую пелену слез Анна попыталась рассмотреть происходящее на сцене. Кто-то переиграл постановку? Внёс правки в сценарий?

– Сценарий правишь ты сама, – откуда-то шептал Вадим.

– Перестаньте прикидываться суфлером! – возмутилась Аня. – Вы навязываете мне фальшивые вещи!

Ее сердце сходило с ума от ревности… на сцене должна быть она! Это она, Аня – ведущая актриса. И главная героиня не сможет без нее! Так, сейчас она что-то предпримет… и покажет, кто здесь лучший и кому принадлежат аплодисменты зрителя.

Но… динамичная смена интонации музыкального сопровождения вместе с появлением новых декораций на мгновение остановили ее порыв… Милена Маркова застыла на сцене в ожидании…

А это кто? Из-за открытых кулис появился образ новой героини… и, кажется, она тоже была… главной. Роскошное платье, холодное лицо, надменный взгляд… на голове сверкала диадема.

– Я – королева сцены, – торжественно представилась актриса.

И тут Аня не выдержала и, вскочив со своего места, воскликнула:

– Ты – самозванка!

И только потом она задалась вопросом: что за дешевые реплики? Что за ничтожный спектакль? Где драматург? Он вообще видел этот позор?

Нужно прекращать фарс и открыть всем, кому на самом деле принадлежит эта роль. Взбежав на подмостки, Аня приблизилась к обеим актрисам, и сквозь тщательный грим на их лице она вдруг сумела рассмотреть то, что вынудило остолбенеть на месте: у обеих актрис… одинаковые черты лица… и эти черты принадлежали ей, Анне!

– Вы… кто такие? – озлобленно спросила Камушкина, готовясь собственноручно сбросить двойников со сцены.

В ответ «королева» приложила руку к груди и, представляясь, монотонно произнесла:

– Тщеславие! – затем указала в сторону Милены Марковой: – Блуд! – и, к огромному удивлению, указала на Аню: – Зависть!

Повторив круг, она проговорила:

– Тщеславие. Блуд. Зависть. Тщеславие. Блуд. Зависть.

Это звучало вновь и вновь, монотонная «считалочка» и гипнотическое наблюдение за движением пальца вскружили ей голову, и Анна проснулась.

Глава 1. «Главное, дать девочке понять, что она нуждается в этом больше, чем думает»

Он видел ее ангелом… таким лёгким, грациозно плывущим, чуточку оторвавшись от земли, словно хождение не было ему знакомым. В этом грязном городе остались ангелы? Они еще существуют? Но как выживают среди копоти гнева, каверзного сплетничества, едкой и противной гордыни? Нет! Она – не ангел, она – простота, вопиющая и непосредственная.

Среди всех этих «штучек» с тщательным и броским макияжем, которые демонстрируют себя некими избранными персонами, Анечка казалась простенькой провинциальной девчушкой. Нет, ее нельзя назвать неухоженной или старомодной. Она выглядела утонченной и какой-то… возвышенной, что ли. Настоящей, такой, как тургеневская девушка: образ абсолютно непопулярный в нынешнее время, но так необходимый губящему себя обществу.

И даже в таком культурном месте как театр необыкновенность Анны Камушкиной сильно ощущалась. Что-то невероятное таилось в образе, живущем внутри каждой женщины и скрывающимся от глаз мужчины для того, чтобы явиться во всей своей красе в самый неподходящий момент.

Наверное, Вадим Яковлевич так представлял себе женскую загадку – такую неповторимую и обязательно присущую изюминку, несколько отличаемую особенности одной женщины от другой. Но ему, человеку с творческой душой и горячим темпераментом, в тридцать пять казалось, что они уже давно потеряли свое умение скрывать внутри себя тайны – все изюминки были им обнаружены и приняты на вооружение. Поэтому Анечка Камушкина, не так давно появившаяся в его жизни, стала не просто неопознанным объектом, но и каким-то предвестником открытия нравственного раритета.

Вадим Яковлевич, всего-то на десять лет превосходивший в возрасте это очарование, поначалу попросту не знал, как себя вести в ее обществе.

«Да она манит меня! – едва сдерживая в уголках губ похотливую ухмылку, говорил он. – Сама ведь притягивает. Нравлюсь, что ли?»

И правда, легко взмахнув кистью, Анечка что-то шептала, бросая в его сторону томный взор. Зовет? Хотелось подойти, как вдруг по отведенному взгляду стало понятно – репетирует. «Ковалев, ты – в театре», – с недовольством он мысленно себя «ущипнул», приземляя нахлынувшее вожделение.

Но Сергей, сценарист и исполнитель главной роли, прервал посадку его мыслей внезапным вопросом:

– Вадим, где ты взял эту прелесть? К моему великому сожалению, замужнюю прелесть.

Режиссер только криво улыбнулся и отвел взгляд, пряча за мнимым равнодушием образ проснувшегося хищника.

– Да позвонил один товарищ, попросил посодействовать… Счеты старые. Родственница его какая-то. Пригласил на пробы. А она талантливой оказалась.

Лицо Ковалева предательски покраснело. Сивков делал вид, что не замечает смущения начальства. А может, и правда, не замечал.

– Откуда ты знаешь, что замужняя? Кольца-то нет, – со скрытой досадой поинтересовался Вадим, бросая беглый взгляд на правую руку Анечки, застывшую в воздухе.

– Так вы тоже вроде женаты, – отметил с иронией Сергей и указал взглядом на пустующий палец режиссера.

Тот недовольно скривился.

– Да мало оно мне, располнели пальцы… Никак не дойду в ювелирную, чтоб раскатать.

– А-а-а, – продолжал улыбаться тот, прекрасно осведомленный истинными причинами отсутствия обручального кольца. – Моя сестра Ольга с Анной сдружилась. Учились они в одной школе актерского мастерства. Кое-что знает о ней. И о замужестве тоже.

– Правда, что ли?

– Да.

– Почему я не видел данных в ее анкете?

– Не могу знать.

Тот задумчиво потер лоб.

– А муж где?

– О… муж где-то или на заработках, или еще по какой-то причине за границей… кажется… не помню точно.

– «Не помню точно», «вроде как», «или-или»… Сивков, что ты мямлишь?.. Готовься к репетиции! Толку от тебя…

Это прозвучало с раздражительностью самодура, и Сергей нахмуренно уставился в скомканные листы сценария. В такие минуты их приятельские отношения оказывались за пределами театра. А ведь не успел подчеркнуть профессионализм Вадима замечать совершенно не выделяющихся, но удивительно талантливых людей! Ковалеву это было дано! Как он подбирал труппу – одному Богу известно, но так редко ошибался в выборе. И сейчас: кто заметил бы эту простушку, хоть и милую, даже можно смело заявить – притягательную? Да никто! А с ролью Милены Марковой, созданной самим режиссером, Анечка будто сливалась в одно целое. И это оказалось очевидным еще на кастинге.

Ковалев продолжал наблюдать за Анной, услаждая взор невероятно соблазнительным для себя зрелищем. В ней столько эмоций… столько страсти! И эта страсть не обезоруживалась очевидностью: она была засекречена под платьем с тщательно закрытым декольте, длиной «макси», и невысоким разрезом сбоку, несмело открывающим ногу при ходьбе… или нет… к чему тут платье и прочая тленная требуха? Откровенность Анечки виднелась где-то на дне глубокого кареглазого взгляда, в каждой нотке сбивчивого дыхания. Она еще волновалась, когда настраивалась на роль. И так заманчиво волновалась… Эх, почему он только не на месте Сивкова? Может, вспомнить годы актерства и взять на себя этот персонаж?

– Камушкина, зайди! – громко крикнул Ковалев, приоткрыв дверь гримерной.

– Да, Вадим Яковлевич? – Анечка пронзала его сияющими глазами, выразительность которых подчеркивали зардевшиеся щечки…

Хвост заколотых кверху волос немного съехал и ослабил несколько выбившихся прядей, чуть прикрывших ее лицо и лоб. Глотнув воздуха, Вадим удержал мысленные порывы закружить милашку вокруг себя.

– Вы не до конца заполнили анкету, – отвернувшись к зеркалу, он протянул бумаги.

Почему-то своим взглядом драматург устремился в ее смущенное отражение. Так оказалось проще беседовать…

– Простите, Вадим Яковлевич, – взмолилась Анечка, – я действительно оставила это на «потом». В итоге забыла и отдала в таком виде… Бог мой, как же я так?

Растерянно рассматривая пустующие графы, она подняла виноватый взгляд.

– Я сейчас же все исправлю! – ободрившись, пообещала она.

– Разумеется, – иронично прищурившись, говорил он, временами поднимая глаза на ее отражение.

А она так забавно оправдывалась, обращаясь к затылку режиссера, что это не могло не умилять. Он снова улыбнулся, но, подавив в себе иронию, тут же строго добавил:

– Вы не указали, что замужем.

– Ах, да… – она уткнулась в анкету. – И возраст ребенка… Простите, ради Бога.

– На пробах вы мне показались совершенно юны.

– Так… вы же паспорт смотрели.

– Правда! – Ковалев внутренне рассмеялся, ведь несколько минут назад мысленно считал разницу в возрасте.

Совсем памяти нет. Да какая может быть память, когда перед глазами такое диво, затмевающее мужской разум? Этот взгляд, полный наивного восхищения, совершенно сбил его с толку. Хотя нет. Дело еще в том, что Ковалев пытается идеализировать ее образ в своем сознании. Для чего? Для создания чего-то новенького. Он ведь сам «лепит» своих любовниц… все они – актрисы, с которыми воплощать в жизнь творческие идеи гораздо легче, чем с материально настроенными и приземленными девицами. Такими как, скажем, его супруга Мария.

Долой мусор в голове! По факту… Возраст ребенка – семь лет. Карина Владимировна. Муж, Владимир Николаевич, тридцать два года. Анне – двадцать пять. Они поженились, когда ей было восемнадцать. По залету, что ли? Ну да. Так ведь и получается! Зачем в восемнадцать выскакивать-то? О любви в этом возрасте мало что известно. Разве что о пылкой влюбленности… Всё понятно.

На губах Вадима скользнула самоуверенная улыбка. Брак по залету в юности, муж где-то в разъездах, судя по всему, давно. А место работы главы семейства? Информации нет.

Проще говоря, девочка одинока и наверняка жаждет мужского общения. Это заметно даже по ее ожидающему взгляду, бросаемому в сторону Ковалева, когда он оказывается где-то рядом. Нельзя упустить прекрасный момент единения. Нельзя. Он прямо чувствует всеми фибрами ее отклик на жажду своего тела. Нужно просто подобрать момент.

Оценивая манеры поведения, Анна скромна и безрассудно бросаться в его объятия не станет. Нужно просто распалить в ней страсть, напомнив о невыносимости женского одиночества… о незаслуженности такой тяжкой участи… о возможности растаять в мужских объятиях… От развития этой мысли Вадим Яковлевич ощутил пульсирующие отзывы тела на идеи и мелькающие в голове варианты их соития…

Да, многие женщины «проходили» через него на съемочной площадке и даже в этой труппе. Одни уходили, другие оставались. Несколько раз уходила супруга. Но он настолько привык к разнообразию женского внимания, большому выбору соцветия фигуристых тел, что отказываться от этого удовольствия просто был не в силах. Да всю жизнь он пользовался популярностью у женщин! Всю сознательную жизнь! А после того, как стал именитым актером, (пусть второсортных фильмов – неважно), а затем – и режиссером, его популярность росла на глазах.

Поэтому сейчас абсолютно не лишне было бы пополнить свою коллекцию трофеев очередным скромным «оскаром» особенного героя-любовника. Наверное, это нормально для актеров – всегда играть чью-то роль. Даже в жизни.

Он присматривался к Анне издалека, порой флиртуя на ее глазах с другими актрисами, отталкивая от себя, считая это маленькой победой, и тут же незамедлительно подманивал, расхваливая ее способности. Она одаривала его тем же восхищенным взглядом, безоговорочно принимающим превосходство своего учителя. Да, это высшее из достижений самых низменных желаний – чувствовать женскую покорность!

– Прекрасное место для обеда, – улыбался Ковалёв, галантно открывая коллегам из труппы двери, едва ли не раскланиваясь, чем вызывал в них умилительный смех.

Нравилось девчонкам такое настроение режиссера: если он обходителен и вежлив, значит, можно немного выдохнуть, поскольку обычный ритм босса в рабочем режиме несколько напрягал.

– Анечка, позвольте вас на секундочку, – отвел ее за руку в сторонку и посмотрел в глаза.

На какой-то момент замер, взглядом выдавая безмерное восхищение ею, дабы она заметила свою особенность среди прочих актрис. И чтобы знала: режиссер весьма заинтересован ею. Но сейчас ее реакция на его учтивость несколько шокировала Ковалева своей холодностью.

– Я хотел поручить вам очень ответственное задание, – он старался подключить ту соблазнительную нотку в голосе, которую особо отмечали женщины.

– Я буду счастлива выполнить ваше поручение, – поспешила обрадоваться Анечка.

Удержав внутри себя умиление, Вадим Яковлевич попытался состроить на лице строгость.

– Старайтесь улыбаться почаще на благо нашей труппы. Актеры наверняка уже отметили, что ваша улыбка, словно утреннее солнце, крайне благоприятно влияет на мое настроение, часто страдающее меланхолией…

– Вы страдаете меланхолией? – недоверчиво удивилась Анна.

– Ей-богу! – он наигранно округлил глаза, приложив руку к груди.

Снисходительно переведя дух, она спросила:

– А по существу есть поручения, Вадим Яковлевич?

Это прозвучало без претензий, требовательности либо какого-то недовольства, но с особой искренностью и задором, будто Анечка поддержала шутку, но не забыла и о деле.

– Есть. Сформирую приказ, – с улыбкой ответил режиссер.

– Очаровательно, – так же холодно произнесла Анечка и вопросительно подняла брови домиком. – Я пойду?

Драматург готов был раскланяться, но только учтиво уступил дорогу.

– Вадим, зачем она тебе сдалась? Вроде бы и на внешность не броская, не дефилирует походкой, как ты любишь. В ней так мало секса, а тебя все тянет.

За чашкой кофе Сергей с ухмылкой реагировал на комментарии Ковалева, бросаемыми в сторону сидящей за соседним столиком Анны.

– Не могу сказать. Такие невинные голубки не менее притягательны, чем доступные самочки… Может, даже больше. Хотя я всех женщин люблю.

– Ты ведь видишь, что она замужем. Хранит верность…

– Слушай, Серега, ты с луны упал? Любая баба нуждается в сексе не меньше чем мужик…

– А ты откуда упал, Яковлевич?

– В смысле?

– Что за деревенский сленг «баба», «мужик»?..

– Это мой словарный запас еще с детства. Не подлежит контролю, когда эмоционально чем-то возмущен. Сути это не меняет: запомни, именно в страсти женщина жаждет чувствовать доминирование мужчины. И хотя бы изредка даже феминистка ощущает нужду в мужской силе. Если эта сила давно не касалась ее тела, можешь мне поверить, при тщательно спланированных действиях и удачно подобранных моментах можно сделать так, что даже самая верная станет инициатором связи и бросится в твои объятия. А если она «голодная», ее невозможно не суметь соблазнить… просто нужен подход. Красивый, правильный подход. Поверь опыту старого Казановы.

– Ой-ой, Ковалев, ты заносишься! – скривился с неким отвращением Сивков. Порой приятель немыслимо раздражал своим выпендрёжем. – И вообще, тебе не лень тратить время на планирование и замысловатую стратегию? Зачем это надо, когда почти весь коллектив у твоих ног…

– Теория запретного плода работает – это раз. Второе, ты не представляешь, какие фанфары дребезжат во мне звуковыми вибрациями не только в теле, но и сознании от мысли о победе над чем-то особенным. Я слепну в такие мгновенья от фейерверков перед своими глазами.

– И эти фейерверки твоих рук дело? Что дает это лично тебе, помимо секса? Должна быть причина…

Саркастически настроенный Сергей явно не понимал Вадима и серьезности его намерений.

– Это придает уверенности в себе и благоприятно влияет на результат творческой работы, – объяснил Ковалев. – Даже не просто благоприятно, а порой феерически!

– Я так понимаю, опыт у тебя в укрощении верности уже присутствует? – с горькой иронией предположил Сергей.

– Разумеется, – глаза Вадима дьявольски сверкнули. – Главное, дать девочке понять, что она нуждается в этом больше, чем думает.

И его заводило, что с Анечкой несколько иначе обстоят дела, чем, скажем, с теми девушками и женщинами, которые после недолгих сопротивлений все же оказывались в его объятиях, – она виделась ему чистой. Даже ее сознание казалось кристальным и внеземным, ибо это проявлялось в лучезарности мечтательного взгляда. Если бы в ее анкете не было речи о ребенке, то Ковалев однозначно сделал бы вывод, что она… девственница. Именно это умение вводить в заблуждение… ее умение… распаляло в нем утопический интерес, погружаемый в самую бурную и отборную фантазию.

Глава 2. «Там, в театре, вы мне – босс. А здесь, простите, за рулем я»

Приподняв капот, Вадим сосредоточено сощурился. Разумеется, он знал, что случилось с машиной – ровным счетом ничего! Но нужно вспомнить актерский талант, данный от Бога, и применить его для приближения к долгожданному акту совращения…

– Что-то стряслось? – услышал он заботливую нотку в долгожданном голосе.

Приподняв брови, Вадим не смог удержать всплеска надменного облегчения, тут же отразившегося во взгляде: уже попалась.

– Да, видимо, что-то… Вы можете помочь?

– Помочь? Я? В этом? – она деловито указала наманикюренным пальчиком в сторону «внутренностей» машины. – Ха! Я в этой теме абсолютный «чайник»!

Это прозвучало так внезапно и торжественно, что Ковалев тихо рассмеялся.

– Я понял вас.

– Но могу подбросить, – тут же добавила она. – Если, конечно, вам не страшно.

Последняя фраза прозвучала с откровенным ехидством, и Ковалев невероятно обрадовался такому неожиданному повороту в их общении.

– Был бы благодарен… если подбросите… А почему это мне должно быть страшно?

– А потому что я – обезьяна с гранатой, – хладнокровно протянула Анечка и небрежно бросила сумочку на заднее сиденье.

– Обезьяна… мгм… Очевидно, очень милое зрелище, – съязвил Вадим, усаживаясь на пассажирское.

– И не менее опасное, – сарказм в ее голосе немного его порадовал.

Порадовал, ибо в тот момент он узрел в ней некое противостояние: будто два совершенно разных женских типажа соперничали в одном лице. Словно в подтверждение его мыслей, Анечка чуть ударила по коробке передач и, пробежавшись прищуренным взглядом по зеркалам, прижала педаль газа, отчего машина томно заурчала послушным согласием чуть разогнаться.

На миг отвернувшись, Вадим вновь бросил взгляд в ее сторону, стараясь особо не демонстрировать свою заинтересованность. Чудесный повод увидеть Анечку в неофициальной обстановке, более раскрепощенной. А то поднадоел образ перепуганной, невольной, боящейся ему перечить… Нет, роль недотроги чем-то заводила… но быстро надоедала. А здесь – у девчонки и глазки поменялись, и улыбочка другая… Словом, проснулось в ней что-то другое, еще более манящее. И, умиляясь этому моменту, Ковалев ненароком озвучил свои мысли:

– Оказывается, под ангельским ликом скрывается игривый…

Хотел произнести нехорошее слово, типа «дьяволенок», но оно застряло где-то на самом выдохе.

– С чего это вы взяли, что я – ангел? – она с удивлением сощурилась, а из глаз посыпались ведьмовские искорки.

– По вашей робости… и даже мягкохарактерности.

– Вадим Яковлевич, – ее голос зазвучал с некоторым ехидством, – я ведь новенькая, должна произвести нормальное впечатление на благо своей карьере. К чему вываливать «скелеты» из шкафа уже в первый месяц работы? Мне хотелось открыть себя коллективу с наилучшей стороны…

В этот самый момент Вадим заметил, как ее лицо обозлилось, и под протяжный скрип тормозов Аня гневно выпалила:

– Вот козел! – далее последовал жест возмущенного взмаха кисти, и в ответ – задорный сигнал подрезавшего их автомобиля.

– Анна, вот уж не мог подумать, что от вас когда-нибудь услышу это изящное, хоть и распространенное в женском кругу, ругательство.

Вадим иронизировал, хотя расслабиться не удавалось: женщина-водитель – непредсказуемое существо на самом деле. Сама по себе женщина – это атас, а за рулем… Не доверял он ей.

– Будьте, пожалуйста, аккуратней… Я вас прошу, Аня! Нет. Я требую!

– Там, в театре, – она махнула головой, – вы мне – босс. А здесь, простите, за рулем я.

Тихонько усмехнувшись, он бросил довольный взгляд в открытое окно. Все будет еще легче, чем ему думалось. Так. Стоп. Главное, не зацикливаться. Чтобы не спугнуть. Бегло сверив время, Вадим вздохнул. Она это заметила.

– Опаздываете?

– Ничего-ничего… Не спешите, ради Бога.

– Вы пристегнуты?

– Что?

– Вы пристегнуты?

– Я… да… а что?

Ковалев не успел договорить по причине того, что его затылок прибило к подголовнику от резкого рывка автомобиля, который под руководством Анечки лихо обошел три «седана» с обеих полос движения. От зигзагообразного «полета» ему чуть вскружило голову.

– Аня, не стоит так! – резко воскликнул режиссер. – Притормозите.

– Вы боитесь? – ухмыльнулась она.

Ох эта женская хитрость… что он скажет? Разумеется, промолчит, и она продолжит лихачить, чтобы продемонстрировать виртуозное вождение. Да женщина за рулем – это катастрофа! Хоть и присутствует в этой катастрофе свой соблазн.

Резко затормозив у здания суда, Аня взглянула на шефа, пялившегося в одну точку.

– Успели? – с тревогой спросила она, выражая искреннюю надежду на ненапрасность своих стараний.

– Вы отвратительно водите, – сиплым голосом произнес Ковалев, потирая лоб. – Я три раза чуть не умер.

– Да ладно вам, – захохотала тихо она. – Зато в вашем распоряжении целая минута.

– Спасибо, – пробормотал он, открывая дверцу.

– Может, мне подождать?..

– Нет-нет, Анечка, – он предупредительно выпятил ладонь. – Спасибо. Всё на этом. Спасибо. Счастливого пути.

Уже на бегу по пути в кабинет судьи Вадим понял, что совершенно иначе посмотрел на объект своего обожания. Такая резкая перемена в женщине вряд ли возможна без причины. Да, понятно, – все они имеют свои «пунктики». И, кажется, эти самые «пунктики» женщины и сами понять не в силах. Но здесь было что-то другое. Два кардинально противоположных образа – ангел и… неАнгел. С этим предстоит разобраться…

Хотя чем скверно ее лицемерие? Для него оно – то самое орудие, которое можно использовать в своих целях.

В любом случае решено начать с обыкновенного эмоционального восприятия и сделать так, чтобы девочка сама к нему потянулась.

Решая вопросы с подписями да с оформлением всякого рода неприятной документальной катавасии, связанной с нарушением авторского права на сценарий его предыдущей пьесы, Вадим поглядывал в окно, надеясь, что Анна все же ослушается его и останется ждать. Но ни из одного кабинета ему не удавалось увидеть ее автомобиль – все окна выходили то в стену соседнего здания, то в тень заднего двора… «Ты ведь очень преданная, девочка моя! – думал ковар-

ный «гулящий» мозг. – Постой у входа, подожди, и тогда я буду знать, что оказался прав… что интерес зажегся… Уж очень этого хочется…»

И когда Вадим Яковлевич вышел на крыльцо, в голове самопроизвольно загудели уже знакомые ему фанфары. Да! Она ждала. Стояла, опершись о крыло автомобиля, и «рылась» в мобильном.

– Я предупредила своих, что задержусь, – не глядя в его сторону, произнесла Анечка, будто ощущала его приближение своим телом на расстоянии. – Неудобно оставлять вас тут как сиротку.

И состервозничать не забыла. Как мило!

– Правильно сделала? – оторвавшись от телефона, она выразила сдержанную улыбку.

Что он увидел в этом мечтательном взгляде? Наверное, словами это не передать, но почему-то так ясно откликнулось его сердце, подскочившее и монотонно ускорившееся. Холод по телу, затем легкий жар и даже какое-то помутнение сознания – его организм не мог определиться, как ему реагировать. Вернее, он среагировал, но что это за чувства – мозгу было невдомек.

В ней не было прежней зажатости, но читалось желание идти навстречу. Главное выяснить, в чем именно она хотела ответить взаимностью – в профессиональной поддержке или все-таки уже в существовании и личного интереса… Но Аня себя позиционировала верной женой, значит, последнее так быстро не могло разгореться… Или же… Ха! Разумеется! Просто он, Вадим Яковлевич, непревзойден в своем умении привлечь женский интерес, распалить его, а затем… погрузиться в его пламя. Так, уже есть восхищение, уже присутствует интерес, осталась искра. Что это должно быть?

Поглощая взглядом эту странную женщину, он будто искал ответ в ней. Анна – сострадательная душа, тонкая. Вот вполне вероятно, что сочувствие сможет стать основой его пункта «б».

– Вы расстроены? – поинтересовалась Аня, когда заметила, как Яковлевич нервно теребит связку ключей, оказавшуюся у него в руках, будто готовился выскочить из автомобиля в любой подходящий для себя момент.

Он спохватился: раздумья о пункте «б» заставили немного понервничать.

– О, нет, – ухмыльнулся шеф. – Просто как-то… Задумался… Сейчас вернусь домой, а там – та же мрачность. Ни на работе отдыха, ни дома…

Последовала пауза. Бросив на него прищуренный взгляд, Анечка чуть сбавила скорость.

– Не лады?

– Дома?

– Ну да.

– Да как-то… сплошной вынос мозга…

– Странно знать, что вы на этом заморачиваетесь…

– На чем?

– На женских импульсах.

– Полагаете, всего лишь это?

– Не могу судить, я не знаю ваших отношений. Но, как правило, когда супруга предпочитает «пилить», чаще всего дело именно в женских эмоциях и недовольстве, являющимся нормой жизни.

– То есть вы считаете, что мужчина должен мириться с неумением жены спокойно изъяснять свои претензии?

– Не мириться. Немножко понимать. И желательно игнорировать.

– Игнорировать? Это будет начало катастрофы! – позволив легкому отчаянию проявить себя в голосе, взмахнул руками.

– Не преувеличиваете?

– Ох, Анечка, об этом можно говорить долго…

Он с довольством заметил, как ее глазки взглянули на часы, что-то сверяя.

– Некоторое время в моем распоряжении имеется, если вам хочется поговорить.

Он тихо рассмеялся. Даже немного смутился неожиданно для себя.

– Не откажусь. Вы почему-то благоприятно на меня влияете.

– Главное этим влиянием не злоупотребить, – усмехнулась Анечка. – Ибо могут случиться передоз и обратная реакция.

Внутри себя Вадим хохотал, но внешне старался всеми силами сдержаться – это походило на какое-то торжество души, невероятно довольной удачно складывающимися обстоятельствами и эмоциональной обстановкой. Нет, разумеется, переходить к активности сегодня не стоит – уж очень рано. Но уже можно кое-что попробовать.

Отпив из бумажного стаканчика, она с наслаждением выдохнула – пряный аромат корицы, сливок и кофе немного растворяли в себе усталость после трудового дня.

Вадим и Анна стояли на холме над рекой возле городского парка и смотрели издали, как по трассе на побережье мотаются автомобили.

– Вы любите сюда приезжать? – поинтересовался он, изучая ее мечтательный взгляд.

– Нет. Я тут первый раз. Просто свернула в удачном месте. Так что вы намеревались поведать о ваших отношениях?

– Сказать честно, не хотелось бы растворять негативом наше общение.

– Я, наоборот, всегда рада помочь. Собственно, надеялась, что удастся. Иногда элементарное недопонимание не только играет против нас, но и ведет к расколу. По себе знаю, как это больно.

– У вас что-то не так с мужем? – хотел было возликовать он, но следующая фраза обрубила эту преждевременность.

– В отношениях всегда «что-то не так», и это нормально. Не бывает идеально хорошо или катастрофически плохо. Из любой ситуации можно найти выход, даже кажущейся самой безвыходной.

Начитанная, не по годам мудрая или это какая-то популярная цитата из соцсетей? Вадим вновь всмотрелся в ее взгляд, наконец заметив, что последние два часа общения только и делает, что изучает этот новый персонаж на своей личной сцене.

– Считаете, что не нужно зацикливаться на постоянной ревности, упреках, желании высверлить в моей голове дырку?

– Не преувеличивать значимость этого – да. Но что вы имеете в виду под фразой «не зацикливаться»? Нужно искать причины! Возможно, ревность не беспочвенна?

Она осведомленно сверкнула взглядом, устремившись в его глаза, поймав на себе нескрываемое восхищение, и отвернулась. На женских губах играла улыбка, сначала показавшаяся ему надменной, затем – горькой.

– Вы просто имели неосторожность порекомендовать игнор…

– Игнор женской импульсивности, которая есть природным фактом, Вадим Яковлевич! – ее тон поднялся до холодного официоза. – Вы прекрасно разбираетесь в женщинах, это я заметила по корректировкам в сценарии, не прошедшим мимо моего внимания, и образах героинь пьесы, которые вы все время совершенствуете. Как мне кажется, совершенствуете, исходя из особенностей характера актрис, которые их играют.

Откуда столько ума? Она ведь казалась воплощением наивности… даже девичьей глупости. А оказывается, ее сознание скрывало столько остроумных выводов и замечаний!..

– Я не умею притворяться глупым? – рассмеялся он.

– Мне хочется надеяться, что вы этого и не делали.

Холодный тон ее голоса затмил всю теплоту от приятной беседы, которой наслаждался Вадим.

– Нет. Разумеется, нет, Анечка. Мне действительно хотелось знать ваше мнение. Когда брак на грани раскола, любые попытки склеить его не бывают лишними.

– Почему же? Можно услышать много лишнего и ненужного. Вопрос в том, что именно вас беспокоит – собственное эго, не желающее уступать измученной вашими похождениями жене, или же… тайное желание прекратить ужас от наскучивших отношений и развестись…

– Ух, как вас понесло, Аня, – вдруг рассердился он, скрывая недовольство за поджатыми губами.

– Вы хотели честного мнения или лести? – не реагируя на его негодование, переспросила она.

Так, этот психоанализ уже перестает его радовать! Недовольно скривившись, Вадим задумчиво смотрел на опустевшее дно своего стаканчика.

– Вам в детстве не хватало материнского тепла? – искреннее сочувствие в голосе собеседницы и внезапность вопроса привели его в ступор.

– При чем тут детство?

– Когда у мамы нет возможности дать своему сыну должную заботу и любовь в полной мере, во взрослой жизни он часто ищет его у множества женщин, скитаясь от одной к другой… и разочаровывается, потому что его сердцу не удается восполнить этот недостаток… Ваша супруга старше вас?

– Да, – с изумлением выдохнул Вадим, – на шесть лет.

«Вы психолог?» – спрашивал у нее его разум, но легкое замешательство не позволило поинтересоваться этим вслух.

– Может быть, проблема все-таки не в вашей супруге, а в вас, Вадим Яковлевич?

Кажется, ему удалось дождаться от Ани желаемой заботы и сострадания. Но хуже всего то, что он сам сейчас жалел себя, ибо нашлись действительные причины для этого факта.

– Как и любая женщина, ваша супруга просто хочет счастья, – продолжала «добивать» Аня… – А какое счастье, когда столько боли, унижений, непонимания?

– Или, может быть, причина в том, что вы поняли меня, зная всего несколько недель, – сглотнув ошеломление, предположил он, – а ей не хватило для этого и восьми лет…

– Это исключительно из-за присущей мне проницательности и небезразличия к чужим судьбам. То, что нам кажется вопиющим, чаще всего скрывает трагичные причины. Мне пришлось в этом убедиться по себе и близким людям, поэтому…

Он просто пребывал в оцепенении. Куда-то далеко отодвинулись планы на ближайшую неделю в виде свидания с «верной» и ублажения собственной похоти. Это все просто померкло и исчезло из виду под мягким звучанием ее тихого голоса и разумных суждений. И во всем этом ему казалось столько любви!

Взглянув Анне в глаза, Вадим не увидел чувств, но ощутил безмерное количество душевного тепла. И тут же, пытаясь развеять это ощущение, хмыкнул – разве ему это нужно?

Будто почувствовав его внутреннее сопротивление, она перевела тему разговора совершенно в другую сторону, отметила его озадаченность, извинилась «что не так», и они машинально направились к ее авто.

Немного остыв, Вадим понял, что эта беседа создала атмосферу непринужденности между ними, – собственно, то, чего он и добивался. Неважно, через что они к этому пришли – психоанализ, эмоции, прямолинейность… Важен результат: она смотрела на него иначе, и он на нее тоже.

Глава 3. «Вы фанатеете от меня?»

– Анна, с вас танго, не забудьте! – предупредительно указав пальцем, Вадим Яковлевич отошел в свою «обитель» – так называла труппа его кабинет.

«Что особенного?» – пожимала плечами Аня, когда замечала, как актеры превозносили своего босса. В кабинете? Да и в нем самом! Да, Ковалеву, несомненно, присущи качества, которые не могли не восхищать. Но чем восторгаться и от чего падать в обморок?..

Раскрасневшаяся после нескольких танцевальных пируэтов в «образе», Аня с волнением наблюдала сцену коллег, игравших второстепенных героев пьесы. Но ее мысли продолжали порхать в танце, поэтому суть она не улавливала, хотя и была обязана, поскольку следующее действие с ней продолжало ныне репетируемое.

– Уже отдалась или только собираешься? – откровенный вопрос подошедшего Сергея вернул Анну из мечтаний в реальность, вмиг осадив мечтающий взгляд одолевшей досадой.

– Ты о чем, Серёж?

– Ань, ты уже не посторонний мне человек. Я хотел бы предупредить тебя, что товарищ Ковалев очень коварен по отношению к женщинам. В профессиональном плане он невероятно талантлив, но как мужчина в общении с дамами… порой даже безжалостен.

– Он их бьет? – шутливо спросила Анечка. – Иль пытает?

– В пытках замечен не был. Побои… не знаю, вроде даже Мария не жаловалась на подобные грубости… Но, в общем, могу сказать лишь, что душевная боль иной раз гораздо тяжелее физической. Согласна?

– Согласна. Меня огорчает, Серёжа, что я показалась тебе легкомысленной. Либо до глупости наивной. Я всё вижу и понимаю его намерения.

– Так ты специально с ним флиртуешь? – в его глазах читался искренний шок.

– С чего ты взял? Почему вы, мужчины, любезность всегда принимаете за флирт?

– В данном случае потому, что ты знаешь о его намерениях и будто подыгрываешь ему.

– Да. Не понимаешь, с какой целью?

– Просвети.

– Он использует меня, а я использую его… в профессиональных задачах. Режиссер помогает актеру раскрыться на сцене. Доброжелательность Яковлевича как никогда играет мне на руку. Сейчас точно скажу ему «нет», и он обозлится, начнутся контры. Зачем оно мне надо? Или коллективу? А так – слегка поулыбаться и быть любезной. Почему нет? Нормальный рабочий процесс.

– Ань, не ввязывайся в его игру. Можешь проиграть.

– Да я не играю, Сереж! Но и не собираюсь зацикливаться на его пороках.

– Но ты поддерживаешь его флирт. Это нечестно по отношению к мужу.

– С мужем я сама разберусь.

– Мне сейчас кажется, или рассказы о твоей верности – миф?

– Не тебе об этом судить, уж прости.

– А кому?

– Например, Богу… Не пытайся делать выводы о том, о чем не имеешь представления или о том, что тебя не касается. Это нечестно. Я не играю, я не флиртую, не намекаю и не изменяю. Я работаю и общаюсь. И дам понять этому человеку, если в свои почти сорок он этого не понял, что мужчина и женщина могут вербально контактировать, без интимной близости.

– Ой-ой-ой, ты не говори так! – с наигранным ужасом Сергей оглянулся по сторонам, прикрыв пальцем рот. – Ему не «почти сорок», а тридцать пять! – фраза звучала в сопровож-

дении вытаращенных глаз, драматично изображавших шок. – За такую оплошность он добавит тебя в «чёрный» список.

Она смущенно рассмеялась, пряча лицо в ладонях.

– Как страшно-то!

– А теперь серьезно… – хотел было продолжить дискуссию Сивков, но Камушкина деловито его перебила.

– Давай закроем тему. Я абсолютно серьёзно заявляю: я – актриса, он – режиссёр. Я не могу игнорировать начальство или не общаться с ним.

– Это понятно. Тогда общайся с ним без игривого блеска в глазах. Сможешь?

– Какого блеска?

– Которого еще несколько дней назад у тебя не было, моя дорогая.

– А в общении с тобой у меня глаза тускнеют? – она открыто язвила, всем своим видом пытаясь доказать ошибочность прозвучавших упреков.

– Не знаю… может быть…

– Будь спокоен… хотя до сих пор не могу понять, почему тебя это так цепляет. Я со всеми общаюсь, как с Яковлевичем. Просто до этого меня сковывал страх его любвеобильности. Старалась держать дистанцию. Вчера я поняла, что его «чары» слабее меня. Поэтому мне быть соблазненной не угрожает. Не переживай.

– Вы так смотрите на меня, Анечка. Даже не знаю, как реагировать. Взгляд полный чувственности… есть такое?

В ответ на его откровенное замечание она изумленно открыла ротик, но вместо ожидаемой искренности из нее полился тихий смех.

– О, простите, Вадим Яковлевич, есть такой грешок.

– Правда? – с надеждой оживился он. – И чем он объясним?

– Объяснить это нелегко на самом деле.

– А вы постарайтесь, милая. Постарайтесь.

Всунув руки в карманы и заинтересованно сощурившись, Ковалев уже предался предвкушению услышать о собственном триумфе, когда прозвучало нечто иное, совершенно неожиданное.

– Дело в том, что я видела вас на сцене до нашей встречи, – ее глаза продолжали торжествовать подлинным восторгом. – И видела фильмы с вашим участием. Сказать честно, меня восхищает ваш актерский талант. И профессионализм как театрального режиссера…

– Как вы можете характеризовать последний пункт, если вам не с кем сравнивать мой режиссерский опыт? – разочарованный ответом, Ковалев бесцеремонно перебил актрису.

– Да, в этом вы правы. Но в мастерстве актера вы для меня являетесь примером идущего вперед и покоряющего вершины, – ее глаза заметно сверкнули восхищением. – Именно вы вдохновляете меня здесь, во время репетиций. И это не может не приводить в восторг.

– И всё? – с разочарованием хмыкнул Ковалев.

– И всё, – наивно хлопая ресницами, проговорила она.

– То есть, другими словами, вы фанатеете от меня?

Она расхохоталась.

– Как школьница? Нет! Я смотрю на вас, как на образец своего творческого пути. Вы для меня – вдохновитель на успех.

Вот в таком духе они общались почти месяц. Режиссера выводили из себя эти «качели» – он и Анна то приближались друг к другу, то отдалялись. Порой он видел в ее взгляде желание… Но именно в тот момент, когда Вадим обнаруживал его и готовился к активным действиям, темпераментная пылкость в ее глазах вмиг менялась на лед, в котором, помимо официоза и равнодушия, невозможно было рассмотреть ничего.

Тут Вадим начал понимать, что страсть, о которой он мечтал, в Анином представлении имеет художественный характер. Это не влюбленность и даже не увлечение. Он для нее – воодушевление, муза, источник страсти к сцене, и эта женщина не видит в нем мужчину. Ее слепит только одно желание – достичь творческих высот. Именно по этой причине она так быстро меняется. И это уже что-то!

Но спустя некоторое время, несмотря на такие восторженные дифирамбы, звучавшие из Анечкиных уст, Вадим Яковлевич вдруг стал замечать, что она старается его избегать при всей абсурдности этого действа. Что-то изменилось, пропал азарт и пылкость… На его замечания реагировала рассеянностью, играть стала хуже… Все время где-то витала. Неужто муж вернулся?

Это раздражало воинственно настроенного Вадима. Сначала после той беседы между ними он чуть поостыл – женщина часто портит отношение к себе хвастовством собственного ума. Такие «отличницы» его не особо привлекали. Как правило, они тяжело шли на контакт или вовсе игнорировали его любезность. Или же спустя какое-то время после легкого флирта его настигало разочарование, поскольку женский ум часто становился благоприятной средой для развития феминизма.

Ковалев старался держаться от таких дам подальше, побаивался их прямолинейности, нередко унижающей мужчину витиеватыми и далекими от истины намеками. Естественно, при таких условиях его шансы поразвлечься приравнивались к нулю. А с другой стороны, не сильно уж хотелось развлечений с такого рода заумными девицами.

Сейчас же господин Ковалев чувствовал себя беспомощным из-за растерянности перед этим странным образом верного-неверного ангела-неангела. Что за девчонка? Может быть, это какая-то игра? Пока он думает, как заполучить её, Аня разрабатывает свою стратегию? Да, что-то, Вадим Яковлевич, ты в свои золотых тридцать пять потерял сноровку в соблазнении недоступных женщин… Или же стал выбирать сложные объекты, что свидетельствует, скорее, о некоем росте в данной сфере пикапа.

Итак, что происходило с Анной? Вроде все определенно ясно – в глазах девчонки торжествовали нежность и покладистость, если бы не… искорки, часто вспыхивающие в ее глазках задорным блеском. И в них ему ясно виделась чувственность, которую она прятала глубоко в себе. И этот момент часто встречался во время репетиции, когда Анечка должна была изображать героиню, противоположную собственной натуре.

– Аня, в чем проблема? – внезапный вопрос режиссера заставил ее поднять на него виноватый взгляд. – Ты перестала «видеть» Милену?

– Сказать честно, я все меньше ее понимаю, – призналась актриса, и под давлением яростного взгляда драматурга спрятала раскрасневшееся лицо за листами сценария.

– Ты должна не просто понимать Милену, а стать ею! – всеми силами старался не кричать, но подобная актерская бесхарактерность сильно его гневила – отсутствие желания малоопытного артиста пропускать персонажа через себя способно развиться в бездарность.

– Это нелегко… – вздохнула Аня с сожалением на лице, отбросив сценарий на стол. – Она ищет любви, но при этом прячется в объятиях нелюбимых мужчин.

– Потому что в ней доминирует страсть… – он наблюдал, как Анна одним пальчиком строит из листиков пирамиду, что свидетельствовало о несерьезности ее подхода. – Наблюдайте, госпожа Камушкина, за трансформацией личности Милены Марковой. К примеру, вначале пьесы она до такой степени любит мужчин, что какое-то время не в состоянии определиться с типажом, который смогла бы полюбить. То есть «своего» возлюбленного она даже не может представить, в отличие от большинства женщин…

– Значит, она не имеет представления о любви, – спокойно отрезала Аня и снова уткнулась в сценарий.

Вырвав из ее рук распечатки, Ковалев уставился ей в глаза.

– Исток любви часто идет из страсти, – произнес он, поглощая взглядом каждую морщинку на ее лице.

– Мне не известна такая любовь, – монотонно отвечала Аня с внешним равнодушием к вышесказанному.

Глаза Вадима начинали источать нарастающий гнев.

– Простите, Анна, вы фригидны? – выпалил он и только через мгновенье понял, что произнес это вслух.

– Да! – не меняясь в лице, ответила она.

«Неужто правда?» – кричали его глаза, но ее взгляд оставался безмолвен.

– Я даю тебе сутки, чтобы отрепетировать эту сцену до идеального исполнения Милены Марковой, поняла? – Аня уже давно заметила, что в моменты особого гнева Ковалев берет на себя смелость фамильярничать. – В противном случае поставлю на эту роль твою дублёршу, а ты пойдешь на ее место.

Реакция?.. Где-то глубоко в ее взгляде отразилась нотка печали, и всего-то. То ли она – реально талант, то ли – хладнокровная бездарь. И именно эта неопределенность приводила его в негодование.

Отодвинувшись в тень кулис, дабы понаблюдать за репетицией второстепенных персонажей, Вадим изредка бросал взгляд в сторону «объекта», задумчиво выносившего на полях сценария какие-то личные заметки. Что-то пытается сделать – уже хорошо.

– Ты сам не свой в последнее время, Яковлевич, – услышал он голос за спиной и почему-то содрогнулся.

Под кулисами малой сцены вырисовывался силуэт мужчины, показавшийся режиссеру незнакомым и немного странным, поскольку глаза отражали некое, не присущее обыкновенному человеку, коварство. Его лицо наполовину скрывала тень, и оно показалось Вадиму каким-то неживым и слишком бледным, будто маска.

– Вы кто? – удивился Вадим и прищурился, дабы рассмотреть в этом преобладающем полумраке черты незнакомца.

– Можешь на «ты». Ассистент светорежиссера, Петя Меликов.

– Простите, Пётр, что-то не припомню вас в нашем коллективе.

– Так недавно поступил, изволь любить и жаловать.

Эти ассистенты всегда принимались управляющим театра и самим светорежиссером, а потому многих из них Ковалев в лицо не знал и знать не хотел. Для него главным являлся результат, который он требовал от ведущих специалистов в своей области. А подбор помощников, декораторов, прочего вспомогательного персонала – не его профиль.

– Все равно странно, что малознакомый человек обращается ко мне на «ты», – не особо желая продолжать беседу, Вадим отвернулся.

– Неужели это так важно? Я просто хотел предложить услуги, – тихо шепнул тот.

– Любопытно знать, о чем вы?

– Ты ведь увлечен этой девчонкой, так? – Пётр кивнул в сторону Анечки.

– Не твое дело! – вспышка ярости заставила режиссера отойти от официоза.

– Я просто хотел предложить помощь… – поторопился объясниться странный тип. – Возможно, нетрадиционными методами и малознакомыми… Но кое-что я в этом смыслю, и результат девяносто девять процентов из ста…

Как заманчиво это прозвучало! Взглянув в глаза собеседнику, Вадим заметил в них то же подозрительное лукавство.

– Я попробую своими методами… – растерянно ответил он, хотя порывался согласиться. – Традиционными.

– Не вопрос! – почему-то иронично произнес Пётр. – Если что, я всегда рядом. Найдешь меня, обсудим детали.

Вадим не отреагировал, но защемившее сердце будто противилось его согласию. Что там за методы нетрадиционные? Он решит позднее. Сначала нужно понять эту чертовку. Потом уже станет ясно, стоит ли вообще игра свеч или нет.

Но понять не представлялось возможным. Поскольку Аня с Вадимом в своих отношения зависли на прежней стадии. Хотя какой-то перелом, безусловно, произошел. Только… какой?

Анечка с Сергеем репетировали трудно дающуюся обоим сцену, в которой нужно было донести до зрителя и драматизм в состоянии безысходности, и страсть, не подлежащую контролю, и трагедию губящей себя души.

Вадим словно ждал этого эпизода, как и подходящего момента, чтобы темпераментно вмешаться. Он даже вносил в сценарий правки, добавляя новые реплики и насыщая действия пьесы большей чувственностью, представляя на месте главных героев себя и Анну. Но на репетициях Вадим Яковлевич приземлял свои фантазии и «отделывался» только едкими замечаниями в адрес актеров.

Аня зажималась. Режиссер видел, как актриса пыталась спрятать что-то внутри себя, будто в скорлупе, начинавшейся самовольно, против ее воли, трескаться и распадаться. Что под ней, под этой скорлупой?

– Так, дорогие мои, это уже ни в какие ворота не лезет! – с возмущением вырвав из рук Сергея сценарий, Вадим вдруг заметил, что скомкал кипу листов одним рывком.

Нервно расправив их, он выдохнул и бросил строгий взгляд на обомлевшую Анечку, перепуганно вытаращившуюся на него. Опять! Снова этот растерянный и пугливый взгляд! Его куда более привлекала Анна, с которой он имел возможность общаться вне сцены. Но она будто куда-то запропастилась…

– Ладно, у нее не хватает профессионализма, – раздраженно буркнул Вадим в сторону Сергея, – ты-то можешь вытянуть сцену? Ее реакция от тебя «пляшет»! Смотри и учись.

Заметившая странную растерянность актрисы труппа завороженно смолкла, наблюдая картину, будто каждый из них уже вник в суть происходящего за пределами сцены.

Оценивающе взглянув на актрису, Вадим вдруг приблизился к ней и характерным взмахом руки, будто делал это ежечасно, щелкнул по верхней пуговице ее кофты, отчего та расстегнулась, показав на обозрение ничтожную часть оголенного тела. Нет, до груди там было далеко. Но сам нахальный жест на глазах у всего коллектива вызвал в Анне вспышку негодования, которым тут же в полной мере исказилось ее зардевшееся лицо.

Задорно настроенному Ковалеву это понравилось, даже захотелось издевательски протянуть: «Ударь меня… нежно!» – но он сдержал этот порыв в себе. Взглянув ей в глаза, он понял, что ее ярость вполне искренняя и грозила перерасти в ненависть. Но жалеть о подобном хамстве не в стиле упрямого режиссера.

– Вам нужно немножечко расслабиться… Показать зрителю больше себя, – оправдываясь, загримасничал он.

Застегнув пуговицу, Аня сделала шаг назад, будто готовясь пятиться и дальше, когда Ковалев зачитал реплику главного героя. Нужно ответить ему… продолжить исполнение роли… иначе вся карьера рухнет. Иначе труппа что-то заподозрит. Нельзя… И она остановилась.

В его голосе звучал доминирующий драматизм, противостояние между рвением к героине и досадой за невозможность преодолеть моральные барьеры… Впервые Аня удостоилась чести увидеть своего кумира на сцене вживую.

Милене Марковой, которую играла Анна, нужно было ответить возлюбленному обвинением в ханжестве и в собственном распутстве, поскольку по сюжету именно его бездействие и попытки откреститься от чувств стало роковым для героини. И одновременно в ее фразе «Увы

мне, ведь себя я ненавижу больше, чем тебя!» звучала страсть, призывающая незамедлительно подчиниться воле любви.

Анечку немного сбивало исполнение роли Вадимом, и ее внимание отвлекало магическое обаяние, которым на сцене он блистал. Его игра ей казалась виртуозной, необычной для простого смертного. Некоторые эмоции, не понимаемые ею ранее в собственной героине, открывались сами по себе перед глазами только благодаря актерскому мастерству босса. И происходило это именно тогда, когда её Милене нужно было отвечать на слова Владлена Бассарина, которого сейчас исполнял Вадим. В какой-то момент Анечке захотелось даже импровизировать.., но как раз восхищение и помешало ей раскрыть себя полностью…

Осознание своей бесхарактерности заставило ее отойти от чувственности в игре до немыслимой актерской слабости. Анна вроде бы ощутила настрой своей героини, а Вадим только отметил про себя, что актриса выбралась из той скорлупы, как вдруг при необходимости приблизиться к нему ее вполне очевидно бросило в жар, и она потерла дрожащие ладони, отчего прижатые локтями к телу листы сценария посыпались на пол. Ковалев с подозрением сощурился, но начинал понимать, что происходит, потому, подавив злорадную улыбку, продолжал зачитывать реплику…

– Простите, мне нужно выпить таблетки, – лихорадочно прошептала Аня, поправляя волосы, спавшие на лицо.

– Вам плохо? – спросил обеспокоенно Вадим.

Не отвечая, она схватила сумку и начала что-то перебирать, затем достала пластину и, нервно выдавливая из нее таблетки, ответила:

– Да, с утра. Наверное, простуда.

Оставшись в недоумении в той же позе, режиссер наблюдал, как Аня приняла от Ольги Сивковой стакан воды и жадно глотнула его, после чего освежила лицо.

Да, она сейчас играла. Но зачем? И что опять скрывалось за этой фальшью?

– Может, вас отпустить? – предложил он, но сам ощутил, что в его голосе звучала какая-то недоверчивая издевка.

– Да! – обрадованно выдохнула она. – Если можно… Я как раз хотела у вас отпроситься.

– Опять? Сегодня опять? – Ковалев пытался усмирить негодование, едва не вырвавшееся дымом из раздутых ноздрей. Этот образ и послужил популяризации в труппе его прозвища «дракоша».

– Да…

– Сегодня после обеда и завтра до обеда? Правильно я понимаю?

Не реагируя на уточняющий вопрос, Анечка отпила еще воды и едва заметно кивнула.

– Вы понимаете, что сейчас не до выходных?.. – начинал заводиться Вадим, когда его остановил возглас Сергея:

– Вадим Яковлевич, да отпустите ее. Значит, действительно надо. К тому же выходные! Нет смысла в спешке и сверхурочных…

– Попрошу писакам не указывать…

– Господин Ковалев, – с яростной просьбой в голосе произнес Сивков, – может, мы не будем выносить…

Не позволив актеру договорить, тот только выдохнул, раздражительно махнул рукой и выпустил из пальцев скомканный веер сценария, листы которого сначала взвинтились кверху, затем, тихо кружась в воздухе, опустились на пол. Грохот двери заставил Анечку содрогнуться и зажмурить глаза.

– Иди, что стоишь? – тихо шепнули девчонки. – Быстренько…

– Мне кажется, лучше остаться…

– Он психанул, но это значит «иди». Ты просто плохо его знаешь.

Подхватив сумку, она попрощалась и скрылась за дверью. Ее глаза ликовали. Только чему, никто не понимал.

– Вадим, ты не хочешь объясниться? – Сергей вызывающе смотрел на приятеля, пока тот расхаживал по гримерной, нервно сомкнув губы. – Да что ты взвинченный такой в последнее время?

– Ты на машине?

– Что?

– Ты на машине?

– Да.

– Сможешь подвезти?

– А коллектив?

– Пусть отрепетируют что-нибудь сами.

К удивлению Сергея, Вадима стало мало интересовать продолжение репетиции, и это заставило его поторопиться. К автомобилю они подбегали, когда прогреваемая машина Ани начинала трогаться с места.

– Быстро, быстро! – шепнул Вадим, прыгая на пассажирское сиденье.

Сивков с недоумением смотрел на шефа.

– За ней! Немедленно трогайся.

– Ты серьезно? – опешил тот.

– Естественно!

В недоумении пожав плечами, Сивков последовал за миникаром Анны, от которого они отставали на пару сотен метров.

В автомобиле царила тишина, но никто не решался ее нарушить, пока это не сделал Сивков:

– Она заехала за дочкой в школу, – прокомментировал он. – Что еще?

– Я вижу. Едем дальше. Куда-то же она отпрашивается постоянно?

– Это спортивный интерес или желание?..

– Это мое дело! – нервно перебил Ковалев.

– Да, но мелькает сейчас моя машина у нее в зеркале заднего вида… Твоя где?

– Выпил с утра, не взял.

– Ты с дуба рухнул? С утра бухать? С каких пор?

– Сивков, помолчи.

Ковалев с интересом вытянул шею, глядя, как Аня вышла из машины, набрасывая на голову платок. Затем повернулась к ним спиной, а затем…

– О-о-о, неужели она это серьезно? – пряча подавленный смех в ладони, которыми прикрывал лицо, Вадим с какой-то истерией перевел дух.

– Ты чего ржешь? – возмущенно повысил голос Сергей. – Она в церковь пошла! Че смешного?

– Ты тоже верующий?

Увидев лукавый взгляд коллеги, готовящегося расхохотаться, тот с испугом вытаращил глаза.

– А что смешного, Вадим?

– Да вы… гоните, что ли, люди? Двадцать первый век на дворе! Какой Бог?

– А что, Бог жил-жил до двадцать первого века и умер, Вадик?

– Нет, ну это же ересь…

– Как ты сделал такой вывод? Тебе кто-то это доказал?

– Наука! Н-нет? – Ковалев торжествовал иронией.

– Наука подчеркивает вероятность наличия невидимого мира тогда, когда выгодно ученым. Я уже давно вижу в этом преимущественно бизнес.

– Так это она… что? К Богу отпрашивается? Каждые выходные? – Вадим начинал всерьез сердиться.

Из-за отсутствия главного персонажа ни одна репетиция в выходные не прошла нормально.

– В субботу вечером и в воскресенье утром особая служба проводится. Присутствие обязательно.

– Особо верующим… или фанатикам… – хохотал тот. – Ладно, пойду посмотрю… повеселюсь.

– Боже, – перекрестился Сергей, – сатана, честное слово. Неадекватность какая-то.

Войдя в храм, Вадим заметил, как на него оглянулись, а затем отпрянули, уступая дорогу. Людей было немало, но пройти между ними удалось свободно. Тишину нарушали монотонное чтение сверху и тихий плач, постепенно нарастающий в рыдания, доносившийся откуда-то слева, и Вадим прошел дальше, испуганно оборачиваясь, боясь наткнуться на взгляд Анечки. Уж очень хотелось увидеть ее, понаблюдать за этой милотой в косыночке и уйти незамеченным.

Каково же было удивление, когда он узнал свою актрису со спины: виднелась только часть одежды, сама Аня стояла, склонившись под какой-то расшитой узорами тканью над тумбой. Рядом стоял священник и, чуть согнувшись, прислушивался… Так это она рыдала! И что-то сквозь плач говорила… О чем речь? Подойти бы поближе, послушать, но ведь может в любой момент обернуться и поймать Ковалева на «горячем».

В храме никак эту сцену не комментировали, все стояли с каменными лицами, будто ничего не происходило. Ни жалости в глазах, ни сострадания. Просто склонили головы и стояли. Может, у нее умирает кто?

Девчушка находилась поодаль от мамы и, соединив перед собой ручки, что-то шептала. Молится, что ли? Неужто Анна, и правда, болеет? Неизлечимой болезнью? Может, этот проныра Сивков знает подробности?

Что-то жарко тут. Он заерзал плечами под кофтой. Некомфортно. Ф-фух, сглазил кто-то?! Прямо затошнило.

Вылетев пулей из храма, Ковалев бросился к автомобилю. Когда он хлопнул дверцей, Сивков тут же нажал педаль газа, желая поскорей скрыться, дабы Анна их не увидела.

– Посмотрел? – спросил Сергей уже на трассе.

– Че-то ни хрена не понял, – выругался тот.

– Что понять хотел?

– Да она рыдала навзрыд. Стояла возле священника…

– Над аналоем?

– Над… чем?

– Ну над столиком таким высоким…

– Да-да, – обрадованно закивал тот.

Сейчас Вадим казался Сергею необразованным ребенком, радующимся найденной отгадке на загадку. Тот недоумевал: как можно начитанному культурному деятелю не знать такой элементарщины?

– Исповедовалась она…

– В смысле? Грехи рассказывала?..

– Если рыдала, значит, не просто рассказывала. А сокрушалась…

– Слушай ты, грамотей! – нервно заорал тот. – Говори на человеческом языке!

Заметив, что Ковалеву это небезразлично, Сивков перевел дух:

– Да довел ты ее, Вадим! – со злостью ударив по коробке передач, сказал он. – Можешь ликовать. Победил! Неужели своих фейерверков перед глазами не увидел? Ты че издеваешься? Она мужу верность хранит. Любит его очень. Борется с физическими желаниями, а ты распаляешь их… всё пытаешься искусить… как… сам знаешь кто.

– Как сам знаю кто?

– О, Боже! – Сергей взмолился, подавляя в себе желание заорать на приятеля.

– Ты хочешь сказать, что она меня хочет и пошла об этом рассказывать какому-то проходимцу в рясе?

Припарковавшись, Сивков посмотрел на коллегу, не скрывая некоторой радости от того, что видит сейчас не заносчивого бабника, поражающего женщин искусными манерами, а самого обыкновенного, растерянного и духовно неграмотного грешника. Не потому, что Сергей злорадствовал, а потому, что видел, как происходит просветление, но очень туго и медленно.

– Вадик, Аня – верующая женщина. Она исправно посещает храм, воспитывает в этом свою дочь. Повторюсь, очень любит своего мужа и действительно хранит ему верность. Я знаю это от Ольги, своей сестры. Но ты принес в ее душу смятение. У нее не было мужчины больше года, и отзыв женского тела нормален, но она борется с этим, потому что не хочет изменять мужу, понимаешь? Не хочет!

– Это ты тоже знаешь от своей сестры? – спросил растерянно Вадим.

– Нет. Это я уже вижу по ней. Оставь ее в покое. Не соблазняй! Свой брак ни во что не ставишь, чужой пощади.

– Не твое дело! – Вадим явно злился и не мог определиться, на кого больше: на обстоятельства, на Анну, на себя… или на Бога.

– Не мое! Но вся труппа уже об этом говорит. Возьми себя в руки. Порой поступаешь… как озабоченный студент.

Похоже, Ковалеву последний эпизод наблюдения за Анной открыл все факты, снова чуть оттолкнувшие от нее. Да к чему тратиться на подобную напрасность, зря отнимающую время? Да и за эти недели противоречивого общения Аня ему начинала надоедать. Ну честно, сколько можно? Его потолок – две-три недели красивой репетиции соблазна женщины, вожделенное исполнение премьеры и апофеоз… А затем – сценарий сжечь, переходить к следующему. Нет-нет, никаких постоянных любовниц! Все слажено, страстно и отрепетировано.

Но здесь, в истории с Анной, его манила эта неприступность, необъяснимое упрямство и такая ярая борьба женщины со своей страстью… что еще может сильнее возбуждать мужчину, до отвала сытого женской податливостью?

Да, Вадим попытался остановить свое рвение к цели подобными неутешительными выводами, но… внезапно для себя увидел свой манящий объект с еще более привлекательной стороны: в том, чтобы соблазнить недоступную женщину, присутствовала некоторая банальность и задор, но в том, чтобы совратить женщину, ставшую на путь целомудрия и непорочности… о-о-о, это виделось триумфальным.

Глава 4. "Надо бы немножко подпоить твою несговорчивую даму"

Бред-то какой! Какая вера? Какая церковь? Какая религия? Все уже давно отходят от этого! Вон сеть пестрит заголовками о йогах да о медитациях. Хочешь быть духовно развитой? Так будь нормальной бабой – совершенствуй свою сексуальность, а ты в бабку превращаешься! Хм. Баба-бабка… вроде одно и то же… Так, ладно, прочь мусор из головы! Спасать надо бедную женщину! Сколько в ней притягательности, сколько соблазна!.. А она прячет это все… под платком.

Нет, ну понятное дело – не совсем уж она вся такая верующая… и макияж, и одевается по моде… но все держит при себе, не выпячивает, не хвастает этой красотой. Боится выглядеть вызывающей. А ведь могла бы блистать среди сверстниц!

Надо спасать девчонку! Иначе загубит ее этот муж, таская по храмам. Что придумать-то?

Продолжая шагать к метро, Ковалев порой приостанавливался, чтоб оглядеться в поисках заведения… да потянуть «соточку» для продуктивности своей идеи. Выход есть всегда, чаще всего, не один! Надо бы подумать…

Так, где-то здесь, он точно помнит, был неплохой бар. Время сейчас позволяет немного расслабить мозг… Ага, точно, вот тут! Пропустив мимо своего внимания детали горящей в вечерних сумерках рекламной вывески, Ковалев открыл дверь и шагнул внутрь.

Какой-то полумрак, почему-то маленькая комната. Вроде на бар не похоже. Скорее, на студию фотографа: поодаль стояла камера, по центру – фоновый стенд, даже софиты по углам, какие-то портьеры, разделяющие комнату ожидания от ателье.

Понимая, что попал не по месту назначения, Вадим уже готовился покинуть помещение, как вдруг его окликнул голос, показавшийся знакомым:

– Почему так быстро убегаете, господин режиссер?

Слегка опешил и обернулся.

Перед ним стоял тот самый Петя… дай бог вспомнить его фамилию… Нет… безнадежно. Петя – ассистент светорежиссера, предлагавший некогда ему «нетрадиционные» услуги. Только теперь он имел вид еще более странный, чем в прошлый раз. Складывалось ощущение, что сейчас он готовился быть моделью на постановочной фотосъемке – драматичный грим на лице с устрашающими стрелками вокруг глаз, очевидная «напудренная» бледность и прической под "каре", как носили мужчины во эпоху популярности «Битлз». Из одежды на нем были клешёные брюки и рубаха, актуальные для тех же времен.

Рассмотрев образ Петра, Ковалёв мысленно удивился: как ему вообще удалось узнать этого странного человека? Да и вообще… колоссальное совпадение вновь оказаться в одном помещении!

– Ты? – вслух изумился Вадим.

– Я, – с гордостью рассмеялся тот.

– Н-нет, я… просто ошибся…

Гость уже развернулся, чтобы уйти, как вопрос этого Петра его остановил:

– Думаешь, бывают такие совпадения?

– А и правда… – растерянно промямлил Вадим. – Что за странность? И как вы здесь оказались?

– Подработочка небольшая, можно сказать хобби, – зловещая улыбка привела того в ступор.

– Фотографом?

– Ну да, – улыбнулся тот. – Почему нет?

– Ты хотел предложить мне сфотографировать Аню?

– Зачем? – рассмеялся Петр и вдруг открыл перед гостем галерею фото, на которых блистала его звезда – с необычных ракурсов, в разных позах и красноречивыми эмоциями на лице.

Тот только сглотнул голодную слюну и с вытаращенными глазами принялся рассматривать каждый снимок, где она ему казалась непревзойденной.

– Прекрасная актриса! С большим театральным будущим! – с уверенностью констатировал Пётр.

– Откуда тебе известно?

– Мне вообще известно то, что не подвластно обычному человеку.

Персонаж Пётр вызывал в Ковалеве все большую заинтересованность.

– Что вы хотите предложить?

– Услуги… Надо бы немножко подпоить твою несговорчивую даму…

– Подпоить? Вином?

– Неважно чем. Мое дело помочь ей понять, что она тебя хочет… И это очевидно со стороны! Просто кто-то вбил ей в голову, что «ну-ну-ну», нельзя этого делать. Вообщем, комплексы у девочки. Наша задача -заставить ее забыть о них.

И правда, какое умное суждение – просто лишить ее возможности много думать, как бы иронично такое не звучало.

– И как это сделать?

– Да как? Через невидимые силы. Тебе невидимые! Со мной – другая история.

«О нет, господин странный человек, это не для меня!» – недовольно поморщившись, Вадим Яковлевич готовился покинуть помещение, в котором чувствовал себя как-то подозрительно хорошо… От этого ощущения захотелось бежать…

– То есть? Магия, что ли? Я в это не верю!

– Так и прекрасно! Зачем верить? Вера – губительная вещь для человека. Разве что в себя можно…

– Ну да… в себя верю.

– Вот и прекрасно. Остальное все – дело моих рук.

– Зачем тебе это надо? – недоумевал Ковалев.

– Какая тебе разница? Главное, что я – волшебник, выполняю чужие желания и получаю от этого невыразимое удовольствие. Содействовать искушению души – есть великое дело, всегда стараюсь помочь нуждающимся. Ты ведь нуждаешься в сладострастии?

Слова Петра Меликова звучали не просто убедительно, но и весьма соблазнительно. А прекрасная дикция удачно акцентировала самое необходимое.

– И сколько данные услуги стоят? Или бесплатно? Спортивный интерес? Игра судьбами? – Ковалев вслух перебирал варианты, ибо понимал, что здесь точно присутствует какой-то подвох.

– Ну зачем же? Не бесплатно! Платить надо за всё! Но тебе могу сделать, скажем так, авансом. Потом заплатишь. Пусть результат и станет твоей гарантией.

При этих словах у мужчины глаза вновь сверкнули коварством.

– Да почему бы и не поэкспериментировать? – глупо смеясь, произнес Ковалев. – И давайте!

Задор на лице вдруг перешел в беспокойство:

– А если не будет результата? Я могу не платить?

В ответ прозвучал злорадный смешок:

– Будет! Ручаюсь! Мне твоя плата очень нужна…

Попрощавшись услужливыми жестами, можно сказать, не свойственными для нынешнего времени, Вадим покинул студию в приподнятом настроении.

Ух ты! А ведь… клин клином!.. Не совсем так, как хотел, но все же. Нужно действовать прямо противоположными ее духовности методами. Почему не попробовать? Тем более тогда, когда в такие вещи абсолютно не веришь.

Можно ли расценить это удачей, когда Анечка на следующий день не пришла в театр? Позвонила и сиплым голосом попросила отгул, чтобы «отлежаться» от болезни одним днем. Врет? Вряд ли. Но этой ночью что-то изменилось, Вадим и сам это почувствовал. С какой-то легкостью пришел на работу, радостью в душе. Что-то сегодня будет… его эта мысль подзадоривала и вдохновляла.

День стал источником нескольких гениальных идей, так и сыпавшихся из его головы. Плоды не заставят себя долго ждать. Режиссер предчувствовал свой творческий триумф. Но… без Анны декорации в театре казались бесцветными.

Анечка оторопела, когда увидела в своей гостиной Ковалева. Сестра, впустившая его, только с недоумением пожала плечами и отошла в кухню готовить чай. Он не заметил появления своей героини и только заинтересованно всматривался в семейные фотографии, расставленные прямо перед его носом на полках.

С сожалением поджав губы, Аня перевела дух. Она так от него устала! Его было слишком много в последнее время в ее мыслях, работе и даже снах… как будто все было пропитано терпким запахом его одеколона.

А сегодня утром она проснулась с температурой и обессиленной. Возможно, сам Ковалев не сильно поверил в правдоподобность ее болезни – в силу его самонадеянности он точно расценил это только желанием подчиненной избежать с ним общения. Скорее всего, пришел убедиться.

– Анечка, надо признаться, что без вас в труппе совершенно обыкновенно, – вдруг с улыбкой заявил Ковалев и осторожно отпил кофе из чашки.

До нее донесся легкий запах алкоголя.

– Кофе с коньяком? – спросила Анна, не акцентируя внимания на его словах.

– Имел смелость чайную ложечку попросить… на улице продрог, – прокашлялся в объяснениях Ковалев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.